

Общие вопросы истории и философии науки

УДК 165.0

ПРИНЦИП ИНТЕРСУБЪЕКТИВНОСТИ И ЗНАЧЕНИЕ ВЕРИФИКАЦИИ ЗНАНИЯ В НЕОПОЗИТИВИЗМЕ

М. В. Гончаренко

Рассматривается проблема соотношения принципов интерсубъективности и верификации. Предполагается, что метафизика субъекта познания не только предопределяет известную бинарную оппозицию «субъект – объект», но и скоррелирована в рамках определенного аспекта видения некоторым единством возможных отношений и следствий. Условие согласованности как следование правилу, как один из онтогносеологических принципов метафизики субъекта – это условие, фактически определяющее возможность эмерджентности.

Ключевые слова: интерсубъективность, верификация, коммуникативное сообщество, понимание, дискурс

Невзирая на важность феноменов понимания и объяснения, есть и другие факторы, определяющие тем или иным образом процесс познания. Один из таких факторов – *интерсубъективность*. Анализ фактора интерсубъективности представляется невозможным без рассмотрения феномена коммуникативного сообщества [1]. *Предопределение* аспекта видения коммуникативного сообщества интерсубъективностью при учете априорной актуальности метафизических оснований любого рассуждения приобретает некий дополнительный смысл. При этом проблема единой интерпретации мира сохраняет свою значимость, даже если мы принимаем методологические предположения, как К. Поппер: «Требование принципиальной фальсифицируемости в том виде, как его выдвигает, например, Поппер, отправляется не от метафизической гипотезы о тщете всех человеческих устремлений к познанию, а от методологического предположения о корректируемости любых фактически достижимых научных предложений или теорий. Однако же в это методологиче-

ское предположение включен в качестве регулятивного принципа исследования квази-кантовский постулат о единой интерпретации мира» [2].

Зачем в рамках данного методологического предположения К. Поппер признает необходимость в постулате единой интерпретации мира? То есть почему утверждение относительно перманентной релятивизации результатов процесса познания нуждается в *наличии* единой интерпретационной модели? Если апеллировать к тому, что любые утверждения только и могут быть таковыми в рамках конкретной интерпретационной модели, то упускается главное: поскольку релятивизация полученных результатов связана с определенной релевантностью интерпретационной модели, постольку автоматически исчезает необходимость в «единой интерпретации мира», а значит, и в единой интерпретационной модели. Из чего следует, что методологическое основание К. Поппера – всего лишь некая трансформация (одна из возможных вариаций) метафизического принципа, предопределяющего единую интерпретацию мира, и именно поэтому автор данного методологического основания вынужден признавать в качестве регулятивного принципа постулат о единой интерпретации мира [3]. При этом происходит то, что К.О. Апель называет заменой критики познания критикой смысла, – «отнесение проблемы значимости к вопросу о смысловых критериях, а проблемы оправданности – к вопросу о критериях подтверждения научных предложений» [4].

Таким образом, та или иная познавательная модель как элемент перманентно релятивизирующего познавательного процесса в подобном случае продолжает оставаться дискурсом «порождения знания», только с измененным метафизическим статусом. То есть если учесть замену критики познания критикой смысла, из этой модели, по мнению представителей аналитической философии, исчезают теоретико-фактические отношения, а их место занимает отношение интересубъективности [5]. Естественно, в какой-то степени это достаточно сильно напоминает конвенционализм Л. Витгенштейна, но данное напоминание ни в коей мере не может быть основанием эквивалентности, так как в работах позднего Л. Витгенштейна неоднократно обращается внимание на то, что языковые игры, как и формы жизни, могут быть «закрытыми» для коммуникативного сообщества и тогда мы встречаемся с феноменом бес-смысленности, но не бессмыслия. Но вот проблема следования правилу, которому не может следовать один человек даже один раз, по Л. Витгенштейну, как раз имеет отношение к проблеме интересубъективности.

Итак, модель познания является или признается таковой на основании фактора интерсубъективности коммуникативного сообщества. Но чем определен данный фактор, какими основаниями мы можем и должны его наделить и имеет ли к этому какое-либо отношение фактор верификации знания? Действительно, метафизика субъекта познания не только предполагает известную бинарную оппозицию «субъект – объект», но и скоррелирована в рамках определенного аспекта видения некоторым единством возможных отношений и следствий. Другими словами, метафизика субъекта предопределяет возможный алгоритм, в пределах которого происходит конституирование схемы, высказывания и т.д.

Рассуждая по поводу «согласованности интерсубъективно значимой “репрезентации” объектов посредством знаков» [6] в работах Ч. Пирса, К.О. Апель приводит следующие его слова: «Мы находим, что любое суждение управляется условием согласованности; его элементы должны быть способными формировать единство» [7]. Единство, о котором идет речь у Ч. Пирса, – по сути, фактор, определяющий возможность/невозможность согласованности каких-то элементов. Именно этот фактор, имеющий отношение к метафизике субъекта, по мнению Ч. Пирса, напрямую связан с *сообществом*, т.е. с идеей интерсубъективности: «Теперь существование мысли зависит от того, что из этого получится; и выходит, что она обладает лишь потенциальным существованием, зависящим от будущей мысли *сообщества*» [8].

Представляется важным отметить, что актуальность/возможность мысли в связи с фактором *сообщества* необходимо отделять от актуальности/возможности мысли самой по себе по причине того, что ее *судьба* и ее *бытие* – не одно и то же, так как вопрос о *судьбе* мысли (как возможности/невозможности дальнейшего использования/употребления мысли) возникает только в случае ее актуального *бытия* (наличия). Что же касается собственно артикулированного пространства мысли или артикулированного когнитивного континуума, то здесь мы вынуждены констатировать следование правилу, иначе мы бы не располагали тем объектом (схемой, рассуждением и т.д.), дальнейшая *судьба* которого зависит от *сообщества*. (Культурно-историческая актуальность теории, если исходить из истории науки, скорее всего определяется вышеуказанным феноменом замены критики познания критикой смысла.) В этой связи целесообразно обратиться к условию согласованности, указанному Ч. Пирсом, поскольку условие согласованности как следование правилу (возможно, как один из онтогносеологических принципов

метафизики субъекта) – это условие, фактически определяющее возможность эмерджентности.

Продолжая анализ критики смысла, К.О. Апель отмечает следующее: «Гипотеза, согласно Пирсу, представляет собой умозаключение, *расширяющее* наше познание... включающееся уже в суждения, основывающиеся на восприятии» [9]. В связи с этим возникает вопрос о роли и значении «автора» гипотезы, т.е. о значении и возможностях субъекта познания в процессе формирования гипотез с точки зрения уже имеющегося знания. Попытка ответить на данный вопрос приводит как минимум к нескольким вариантам рассуждения. Во-первых, умозаключения *определенным* образом структурируют объект, и данная *определенность* целиком зависит от конкретного субъекта познания, т.е. умозаключение как знаковое протоколирование реальности мира (на основании того или иного объекта исследования) является конституцией субъекта познания. Во-вторых, если исходить из приоритетности «вещного» языка, то приоритетность критики смысла и ее метафизические основания, очевидно, все-таки предполагают некую априорную схему конституции, в которой в неявном виде *присутствуют* возможные (в рамках имеющейся схемы) гипотезы, могущие определить дальнейшую конфигурацию конкретной конституции. Если принять во внимание то, что К.О. Апель обозначил как конвергенцию конститутивного и регулятивного принципов у Ч. Пирса, то можно предположить, что процесс трансформации гипотезы в суждение, имеющее обоснование, – это некий аналог своеобразной конвергенции различных этапов формирования и развития той или иной схемы конституирования с учетом введенного Ч. Пирсом различия между реально познаваемым и фактически познаваемым [10].

Здесь имеет смысл обратиться к проблеме упразднения Л. Витгенштейном субъективных условий возможности объективности [11]. Дело в том, что тематизация субъектно-объектных отношений имеет не только серьезную предысторию (в истории философии как минимум начиная с Парменида), но и множество различных объяснений/обоснований, поэтому предложенный Л. Витгенштейном вариант упразднения субъективности в возможности объективности интересен прежде всего в аспекте парадоксальности бинарной оппозиции. Другими словами, Л. Витгенштейн полагал, что объективность (очевидно, ввиду конвенционализма) обладает таким же качеством, как и субъективность, что в конечном счете делает *противопоставленность* этих категорий нонсенсом. Тем не менее из этого не следует, что метафизика субъекта познания исчерпана в связи с упразднением субъективной объективности. Напротив, консти-

туирование дискурса (протокольное *разворачивание* следования) – это фактическая (неявная) репрезентация метафизических оснований субъекта, иначе было бы невозможным следующее положение дел: «То, что человек следует определенному правилу... я могу констатировать лишь тогда, когда его поведение можно понимать в связи с некоей языковой игрой как публично контролируемое следование правилам, – установить же это я могу только на основании участия в этой языковой игре» [12].

Если предположить, что *языковую игру* можно (и вероятно, нужно) интерпретировать как *прафеномен*, то такая *игра*, по определению приобретает онтологический статус, который задает не только бинарную структуру (субъектно-объектные отношения), но и перманентную трансформацию этой структуры посредством *смещения* качеств субъекта и объекта в пользу друг друга, поскольку *видение* объекта – это всегда *возможность* субъекта [13]. Поэтому не исключено, что феномен «неограниченного коммуникативного сообщества» обусловлен, собственно, самой *возможностью* субъекта: коммуникативное сообщество не ограничено как раз в силу инвариантности субъектно-объектного (коммуникативного) континуума. Другими словами, инвариантность коммуникативного пространства определена метафизикой субъекта познания [14], частичная репрезентация которой доступна для самого субъекта (в качестве объекта) посредством *языковой игры* как прафеномена.

Предложенное выше понимание языковой игры (безусловно, лишь как один из возможных вариантов интерпретации «языковых игр» Л. Витгенштейна) приводит нас к следующему рассуждению К.О. Апеля: «В идею участия в общей языковой игре заложено именно то *преодоление субъектно-объектного разделения*, какого можно осмысленно требовать лишь для понимающих наук о духе, или социальных наук, и которое в XIX веке – психологической теорией понимания как “вчувствования” или “последнего переживания” – не было достаточно обосновано» [15]. Итак, К.О. Апель утверждает, что отношения субъектно-объектных разделений обуславливают нежелательные следствия. Как минимум это противопоставление «наук о духе» и «logic of science»; как максимум это *субъектно-субъектное* противопоставление, так как в последнем случае мы имеем дело с элиминацией феномена *взаимопонимания* [16].

Поэтому, с одной стороны, возникает традиционный вопрос о критериях разделения *духа* и *логики*, а с другой стороны, возникает вопрос о возможных аргументах противопоставленности субъекта самому себе [17]. Традиционность первого вопроса позволяет присоединиться

к имеющейся интерпретации К.О. Апеля, в соответствии с которой *дух* и *логика* пребывают в отношениях *понимания* и *объяснения*, хотя сам К.О. Апель, по нашему мнению, с этим и не совсем согласен. Что касается второго вопроса, т.е. *само-противопоставленности* субъекта, то здесь необходимо одним из главных условий анализа данной проблемы признать невозможность и неправомерность «*распределения*» субъекта на два вида (виртуальных): на субъект дискурса *духа* и субъект дискурса *логики*. То есть учитывая фактор трансцендентального горизонта языковой игры [18], мы не можем игнорировать то, что актором ее свершения/реализации в конкретный момент является *субъект*, определенным образом конституирующий когнитивный континуум, качество которого в любом случае (дискурсе *духа* или дискурсе *логики*) определяется трансцендентальными горизонтами *игры*, *конкретизирующейся* как раз в том или ином историческом дискурсе.

В этой связи достаточно интересным будет пример, приведенный У. Эко в работе «Роль читателя» [19]: понятие «кварк» первоначально было введено Дж. Джойсом в романе «Поминки по Финнегану», и только в 1964 г. физик М. Гелл-Манн употребил данное понятие в физике, обозначив им «субатомные» частицы вещества, что может служить еще одним неявным свидетельством существования исторически единого когнитивного континуума. Используя определенные термины в качестве научно-понятийного аппарата, система знания, адаптировавшая то или иное понятие, *по сути* низводит это *данное* до уровня эпифеномена и не имеет ни онтоэпистемологической, ни методологической возможности его *объяснить*. Из этого следует, что проблема «перераспределения» *видов* субъектов относительно *видов* дискурса и, соответственно, проблема преодоления субъектно-объектного разделения связаны с игнорированием *фактического* преодоления подобного разделения посредством метафоризации дискурса [20]. Потому что именно феномен метафоры предопределяет такое конституирование когниции (в смысле *знания*) субъектом, при котором последний по отношению к *неизвестному* (объекту в самом широком смысле) использует *известное*, актуальное для него, создавая таким образом по аналогии схему с доступными для его понимания элементами.

Как же или почему вообще осуществляется метафоризация дискурса, т.е. какой когнитивный механизм предопределяет такое положение дел? Хотя этот вопрос и имеет непосредственное отношение к области трансцендентного, так как, безусловно, восходит к объяснению сущего

посредством редукции к другому существу, тем не менее обратимся к следующему рассуждению К.О. Апеля: «Основная черта того, что в Новое время развивалось в качестве науки, заключается в том, что одно *сущее* в своем фактическом проявлении объясняется из другого *сущего*. Это мышление находит свое классическое выражение в причинно-аналитическом методе исследования естествознания. Его основной мотив в техническом овладении природой как средством, в предварительном просчете (“знать, чтобы предвидеть”). Проблема того, как я могу воспринимать “нечто как таковое”, редуцируется к проблеме опознавания в неизвестном чего-то известного» [21]. Другими словами, метафизика субъекта познания, определившая бинарную схему субъектно-объектных отношений, а ригор определила и *схему* познания субъекта: к неизвестному посредством известного. Но проблема самого «известного» этим не снимается, так как аргументация последнего сохраняет свою неопределенность: субъект есть актор, не имеющий *определяющих* полномочий. Познанное *таким образом*, по существу приобретает характер субъектной редукции. Следовательно, такая субъектная *само-познаваемость* (данная схема познания) в конечном счете превращается в подобие замкнутого круга, каждый элемент которого объясняется посредством другого такого же элемента, и так до бесконечности. «Обнаруживается, что феноменальное бытие миром (Welt-sein) упускается, с самого начала редуцируется к чему-то иному» [22].

Таким образом, утверждение относительно приоритетности какого-либо дискурса (дискурсивная приоритетность) при учете актуальности психофизической реальности, репрезентация которой предопределяет в том числе и субъектно-объектные отношения, в очередной раз демонстрирует отсутствие каких бы то ни было оснований. То есть «если “мир” как совокупность доступных пониманию смысловых содержаний стремятся без остатка свести к психофизической реальности, то неожиданно обнаруживается, что и психофизическая реальность является смысловым содержанием и как таковая может присутствовать только в осмысленно конституированном мире. Если же стремятся не допускать ничего в качестве психофизически реального, то есть чего-то внутримирно сущего, что является основной чертой позитивизма в самом широком смысле, то больше не остается и самого позитивизма, так как он больше не может быть встречен в свете смысловой структуры мира» [23].

В связи с вышеизложенным имеет смысл обратить особое внимание, собственно, на *способы*, формирующие смысловые структуры мира

и делающие возможным понимание смысловых содержаний. То есть необходимо определиться с соотношением таких структур, как язык (способ артикулирования) и смысл (предложение), а следовательно, с отношениями, из них вытекающими: конвенцией и верификацией. Анализируя проблему смещения критики познания к критике языка, К.О. Апель характеризует верификацию с точки зрения Венского кружка следующим образом: «“Смысл предложения есть метод его верификации”». Научный метод подтверждения – сравнение языковых высказываний с наблюдаемыми фактами» [24]. Главное здесь состоит в том, что К.О. Апель отмечает корреляцию смысла и метода верификации. То есть тривиальная рациональная процедура верификации почему-то *приобретает зависимость* от смысла предложения и тем самым дистанцируется от факта в прямом смысле слова. Факт как прафеномен [25] вряд ли может быть верифицирован посредством языковых высказываний и их смыслов, но и как феномен факт может быть верифицирован посредством языковых высказываний только в случае согласия априорного коммуникативного сообщества, так как само конституирование факта а priori определяется уже имеющимися аргументами/знанием/принципами коммуникативного сообщества, которые и предопределяют а posteriori возможность его верификации, впрочем, как и саму возможность его существования.

Учитывая иерархию метаязыковых значений, используемых при бесконечных интерпретациях факта/действительности, необходимо учитывать и то, что данная иерархия в конечном счете определяется принципом семантической валидности, который все же сориентирован на действительность. Поэтому ни формальный, ни естественный язык не может *разрешить* проблему верификации вне контекста intersubjectивности знания [26]. На этом основании весьма убедительным выглядит предположение о том, что проблема верификации может быть *разрешенной* только в формате intersubjectивности знания, т.е. в аспекте априорного коммуникативного сообщества. Однако именно последнее указывает на конвенциональную природу *рациональной* intersubjectивности знания, так как основания верификации конвенциональны. Поэтому вопрос заключается в том, почему intersubjectивность (в позитивизме) наделяется качеством верифицируемости.

В связи с вопросом о взаимоотношениях *подлинного познания* и intersubjectивного языка в «Логико-философском трактате» Л. Витгенштейна обратимся к следующему рассуждению К.О. Апеля: «Речь здесь идет не о внутримирном положении дел, которое может быть изображе-

но посредством языка, но об изобразительной функции самого языка, основывающейся на соотношении знаковых фактов и фактов, которые обозначаются знаками. Защита тезиса экстенциональности сводится для Витгенштейна к тому, чтобы показать, что для единого языка... нет никаких особых положений дел, в рамках которых субъект вновь становится в отношении к некоторому положению дел... (5.631) «Не существует мыслящего, представляющего субъекта...» (Л. Витгенштейн. – *М.Г.*), – ...осмысленными являются только предложения естествознания... только они являются интерсубъективно верифицируемыми» [27]. Парадоксальность приведенного положения заключается в том, что субъект *изъят* из конституируемого им дискурса. В результате (с точки зрения неопозитивизма) понимание субъектно-субъектных отношений подменяется субъектно-объектными отношениями понимания. Следовательно, субъект игнорирует наличие индивидуальности другого субъекта, объявляя монополию своего Я на понимание: «Он заранее смещает понимание в трансцендентальный горизонт объективного знания как овладения... *один* из них превратит всех остальных в предмет объяснения и описания» [28].

Р. Рорти, анализируя оценку философии Ч. Пирса, данную У. Селларсом, достаточно четко указал на необходимость представлений о рациональном исследовании, сформированных эпохой Просвещения, и т.д. для признания возможности существования истины и реальности [29]. Естественно, такое утверждение с точки зрения *logic of science* в какой-то мере напоминает методологический солипсизм, но принцип конвенционализма, введенный для преодоления метафизики, однозначно опровергает ассоциации подобного рода [30]. В этом случае трудно не согласиться с Дж. Катцем в том, что «люди могут быть последовательными и непротиворечивыми в проведении недоказуемых выводов, исходя из необоснованных принципов, а могут впадать в противоречия, используя в рассуждениях только логически обоснованные принципы» [31].

Таким образом, возвращаясь к проблеме верифицируемости знания посредством интерсубъективности, следует отметить, что мы не можем игнорировать понятие коммуникативного сообщества (фактор конвенционализма), так как именно оно «может интегрировать в себя *априори интерсубъективного взаимопонимания*» [32]. Другими словами, проблема верифицируемости знания в неопозитивизме решается посредством применения конвенционального критерия по умолчанию, а априорность интерсубъективного взаимопонимания элиминируется в связи с услови-

ем (конвенциональным) возможности отображения реальности посредством языкового эпифеномена [33].

Примечания

1. Термин “коммуникативное сообщество” разрабатывается К.О. Апелем.
2. *Апель К.О.* Трансформация философии. – М.: Логос, 2001. – С. 175.
3. Наверное, в том числе и поэтому принцип фальсификации К. Поппера фактически приобрел метафизическое основание, поскольку представлен как принцип, *единственно* определяющий научность.
4. *Апель К.О.* Трансформация философии. – С. 178.
5. Там же.
6. Там же. – С. 183.
7. Цит. по: *Апель К.О.* Трансформация философии. – С. 183.
8. *Апель К.О.* Трансформация философии. – С. 184.
9. Там же. – С. 186.
10. «...Вместо непознаваемых и познаваемых объектов Пирс вводит различие между реальным, *познаваемым in the long* (в конечном счете), и тогда-то и тогда-то фактически *познанным* с фаллибилистской оговоркой» (*Апель К.О.* Трансформация философии. – С. 190).
11. См.: *Апель К.О.* Трансформация философии. – С. 219.
12. Там же. – С. 223.
13. «*Такие метаправила* всех конвенционально устанавливаемых правил принадлежат, на мой взгляд, не к определенным языковым играм или жизненным формам, а к трансцендентальной языковой игре неограниченного коммуникативного сообщества» (*Апель К.О.* Трансформация философии. – С. 220).
14. Коммуникативное сообщество целесообразно рассматривать и как коллективный субъект познания.
15. *Апель К.О.* Трансформация философии. – С. 224.
16. «...Человеческие поступки и слова всегда следует воспринимать *герменевтически* серьезно, в духе их виртуальной понятности... в контексте некоей идеальной языковой игры с *внутренними отношениями* между словами и поступками (и познаниями): это требование... возникает из трансцендентальной предпосылки идеального единства взаимопонимания, из которой всегда исходит тот, кто говорит сам или слушает кого-нибудь другого» (*Апель К.О.* Трансформация философии. – С. 232–233).
17. Наверное, последнее будет казаться не столь абсурдным, если мы будем учитывать актуальность схемы синхронно-диахронной актуализации субъекта.
18. См.: *Апель К.О.* Трансформация философии. – С. 225.
19. «Язык полон такими метафорическими предвосхищениями, чья познавательная, герменевтическая ценность... раскрывается лишь со временем... Особый случай – такое предвосхищение в метафоре, благодаря которому производится “короткое замыкание” между двумя семантическими единицами... За несколько лет до того, как физики расщепили ядро атома, когда еще сама семема (атом) былаотягощенасемой “неделимость”... Дж. Дойч в FW говорил об *anbihilisation* of the *ethum*. После того как такое сопоставление сделано, не могут не возникнуть... догадки о возможном расщеплении атомов, поскольку в отношении “этимона” подобные процессы расщепления наглядно осуществляются в тексте FW...» (*Эко У.* Роль читателя. – СПб.: Symposium, 2005. – С. 148–149).

20. См.: *Суrowцев В.А., Сыров В.Н.* Языковая игра и роль метафоры в научном познании. – URL: <http://ru.philosophy.kiev.ua/library/surowtsev/syrov.html> (дата обращения 05.04.2014).
21. *Анель К.О.* Трансформация философии. – С. 8.
22. Там же. – С. 9.
23. Там же. – С. 14.
24. Там же. – С. 35.
25. Определение, данное Л. Витгенштейном в «Философских исследованиях».
26. «Интерпретации подсчета невозможны без постулирования метаязыкового значения, что... означает – значения в смысле обыденного языка. Следовательно, проблема истинности самой логики оказывается идентичной проблеме верификации значений обыденного языка» (*Анель К.О.* Трансформация философии – С. 38).
27. *Анель К.О.* Трансформация философии. – С. 108–109.
28. Там же. – С. 206.
29. См.: *Рорти Р.* Философия и зеркало природы. – URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/basis/5141/5148> (дата обращения 23.03.2014).
30. *Анель К.О.* Трансформация философии. – С. 208–209. «Во время чтения литературы логического эмпиризма неизбежно складывается впечатление, что под конвенцией надо понимать абсолютно *иррациональный* фактор, который либо должен предшествовать любому рациональному дискурсу, либо отменяет его. ...Можно ли исчерпывающим образом определить понятие человеческой рациональности при помощи понятия сциентистской рациональности... так что по ту сторону этих границ останется лишь иррациональность произвольных решений?» (*Анель К.О.* Трансформация философии. – С. 217).
31. *Кату Дж.* Философская релевантность языковой теории // Философия языка. – М.: Едиториал УРСС, 2011. – С. 149–150.
32. *Анель К.О.* Трансформация философии. – С. 209.
33. Там же.

Дата поступления 25. 04. 2014 г.

Национальный исследовательский
Томский политехнический
университет, г. Томск,
markgon73@rambler.ru

Goncharenko, M.V. The principle of intersubjectivity and the importance of knowledge verification in neo-positivism

The paper considers the problem of correlation between the principle of intersubjectivity and that of verification. We suppose that metaphysics of the subject of knowledge not only determines the well-known binary subject-object opposition, but also is correlated within a certain aspect of vision by a unity of possible relations and consequences. The condition of concordance as following the rule and one of ontological and epistemological principles of subject metaphysics actually determines the possibility of emergentness.

Keywords: intersubjectivity, verification, communicative community, understanding, discourse